

1

Оань Зыонг

В Маленьком Сайгоне округа Ориндж о проклятии сестер Зыонг знали все.

Поговаривали, якобы их проклинали еще во Вьетнаме, когда Лан Хоанг, бывшая свекровь Оань Зыонг, отправилась на север к ведьме-затворнице, что жила в деревеньке Шапа у подножия горного хребта Хоангльеншон. Путь туда лежал по суровой местности, и только понастоящему злобные души, готовые насладиться проклятьем на целые поколения своих врагов, могли пройти его невредимыми. Как и любая уязвленная вьетнамка, Лан Хоанг хотела такого отмщения, чтобы и ее похотливая невестка, и все ее потомки навсегда стали изгоями. Но что это будет за проклятьем — она не знала.

Когда к ночи Лан добралась до тихой деревушки, она совсем выбилась из сил. За несколько дней пути на нее обрушились все четыре времени года, и странница оказалась не так хорошо готова к капризам стихии, как рассчитывала. В один день порывы ветра мешали ей идти, на другой — помогали. Повезло, что нанятый ею проводник взял в дорогу достаточно овечьих шкур — ей было во что закутаться на последнем отрезке пути. Она упростила его немедленно отвести ее к ведьме. Нельзя тратить ни минуты, Оань того и гляди забеременеет.

Проводник простился с Лан напротив белоснежного каменного домика у подножия горы и пожелал ей удачи, хотя сам не знал, искренне ли. Много отчаявшихся женщин со всей страны привел сюда этот старик — матери, дочери, сестры, — но сам ни разу не переступил порог ведьмино дома. Лучше не нарушать ход вещей. Только женщинам хватает духа испытывать судьбу.

Как у всех построек во французском стиле, которые стояли вдоль грунтовой дороги, фасад дома украшали колонны, словно атланты, держащие на своих плечах всю тяжесть мира. Дикий плющ обвивал их снизу доверху, точно руки, крепко вцепившиеся в каждую заблудшую душу, что отважится переступить порог. Снаружи дом так и приглашал войти, но свет будто совсем не проникал внутрь, как ни старался.

Лан задрожала; ей стало не по себе впервые за все время пути. Долгие месяцы она мечтала оказаться здесь, а теперь, у самого крыльца, испугалась. Во что она превратится, если осуществит задуманное? Что останется от ее души? Пока она раздумывала, правильно ли поступает, ветхая деревянная дверь со скрипом отворилась, из-за нее пахнуло скверной, и Лан потянуло в дом. Из полумрака появилось лицо хозяйки; колдунья толкнула дверь, распахнув ее настежь, и жестом поманила гостью. Лан представляла себе ведьму иначе — не такой миниатюрной; было в ней что-то необычное, но что? Лицо угловатое, не типично вьетнамское, его красоту подчеркивали непослушные темные волосы, разметавшиеся в разные стороны. Лан не могла понять, сколько ведьме лет, и как ни пыталась угадать, глаза будто постоянно обманывали ее.

— Ты опоздала. — В голосе ведьмы сквозило раздражение, но не оно, а злорадный взгляд особенно встревожил гостью. Лан не могла понять, что этот взгляд говорит ей, но почувствовала чужую жадность и заволновалась сильнее. — Заходи же, не выпускай тепло! — Лан не спросила, откуда ведьма узнала, что она идет. Не хотела задавать лишних вопросов, только те, какие позволено задать, иначе духи и призраки отправятся за ней домой, а этого она боялась. Она и так играла с огнем, осмелившись прийти сюда.

Лан, робея, зашла в дом и проследовала за хозяйкой в дальнюю комнату. Поморщилась, вдохнув висевший там едкий воздух. В углу она заметила мужчину, его лицо скрывали тени и козырек головного убора. Сколько ему лет, она тоже не поняла. Он перетирал желеобразную субстанцию в ступке. Позади него громоздились горы склянок с подозрительными жидкостями и сушеными травами, балансировали в отчаянной попытке подстроиться одна под другую, только бы не упасть. Мужчина встретился глазами с Лан, когда она поравнялась с ним. Вены у него на руке так распухли, что вот-вот бы выдали его возраст. Она сглотнула желчь, внутри снова поднималось сожаление.

— Змеиное сердце. — Ведьма будто бы ответила на мысли Лан. — Для мужской силы. Чтобы зачать больше сыновей.

Хозяйка спешно провела Лан мимо незнакомца в дальнюю комнату без окон и жестом пригласила сесть на подушки на полу. Сама же устроилась напротив, по другую сторону круглого деревянного стола, согрела воды и выставила на стол чашечки. Хлипкий столик — вот и все, что отделяло Лан от разверзнутых врат ада, и она молила Будду, только бы столик выдержал.

— Зачем ты пришла? — спросила ведьма, насыпала чайные листья в чашку и сбрызнула их горячей водой, чтобы сначала раскрылся аромат.

— Из-за невестки, — заговорила Лан. — Она не выполнила свой долг. Ушла от моего старшего

сына, ее мужа, к другому. Он камбоджиец, представьте себе! Она говорит, у них любовь! Дура! — Лан неодобрительно поцокала языком.

— Ты хочешь мести?

— Не совсем... — Лан осеклась, не в силах произнести свое желание вслух. — Я не желаю ей смерти...

— Есть вещи страшнее смерти.

— Какие же? — нервно спросила гостя.

— Несчастье, например, убивает медленно, — ответила ведьма. Она закрыла глаза и позволила потокам заполнить тело и показать ей, что было, что есть и что еще только будет. — Твоя невестка беременна.

— Я так и знала! Потаскуха! Ясно, чего она так быстро ушла, — процедила сквозь зубы Лан. Вдруг волнение схлынуло, и осталось только жгучее желание видеть брызги крови Оань по всей земле. Она посмотрела на собственные руки, увидела, на что способна, и страх отступил. — Я хочу насладиться на нее проклятьем, тетушка. И на ее ублюдка.

— У нее будет мальчик, — не открывая глаз, сказала ведьма. — Она носит под сердцем сына.

— Это должен быть мой внук! — взвизгнула Лан. — Эта девка не заслуживает и любовь, и сына! Вьетнамкам позволено иметь что-то одно!

— Так чего же ты хочешь? — лукаво спросила ведьма с ядом в голосе. — Ты не поверишь, но читать мысли я не умею.

— Я проклиная Оань Зыонг на одиночество в загробной жизни. Пусть после смерти она не сможет навещать своих детей. Я проклиная всех детей ее детей и детей их детей! Пусть они никогда не знают любви, пусть их браки будут несчастны. Тогда их мужья не пригласят Оань на алтарь предков, — не колеблясь, ответила Лан. — Пусть ни она, ни другие женщины ее рода никогда не вернутся домой.

Ведьма открыла глаза и пристально поглядела на Лан, а та погрузилась в свои злые намерения. Плющ на фасаде дома крепче стиснул колонны. Хозяйка и гостя понимали, какое это страшное проклятье и что оно означает: дочери не могут приглашать своих предков в дом без разрешения мужей. Если тебе достался скверный муж, значит, путь на алтарь твоим предкам навсегда заказан.

— Проклинаю Оань Зыонг рожать одних дочерей, — ровным голосом сказала ведьма. — Ее дочери вырастут, и у них родятся свои дети, но только девочки. Пусть каждая несет бремя материнских грехов, и ни одна не избежит своей участи.

— Спасибо, тетушка! — шепнула перепуганная, но нашедшая утешение Лан. Она почувствовала себя могущественнее самого Будды. Ее пугала собственная мстительность, но пути назад не было. — Что будет с сыном у нее во чреве?

— Говорю же, есть вещи страшнее смерти.

Несколько месяцев спустя у Оань Зыонг случился выкидыш. Она оплакивала утрату возможного будущего, особенно когда узнала, что носила сына. Горе поглотило ее, но желание стать матерью оказалось сильнее, и влюбленные попробовали завести детей снова. Во второй раз ей удалось выносить ребенка. Вложив младенца в руки Оань, повитуха жалостливо поглядела на нее:

— У тебя красавица-дочь. У нее твои глаза.

Оань попыталась скрыть досаду. Нет, не сын... Но стоило ей взглянуть в глаза дочери, как ее охватило новое чувство. На руках молодая мать держала свою маленькую копию. Удивительно! Она глядела в крохотное личико и понимала, какие возможности и какие тяготы ждут девочку в жизни. Десять пальчиков на руках, десять на ногах, хохолок черных волос. А какие глаза! Искренние, неугомонные — девочка с такими глазами пойдет за любовью куда придется, пусть даже и босиком. Однако муж Оань разочарования не скрывал. Он застыл как вкопанный и не сразу решился взять дочь на руки. Оань стала его утешать. Пообещала, что обязательно подарит ему сына, не успокоится, пока не родит ему наследника.

Повитуха подслушивала их разговор, стоя к ним спиной; она знала, что у Оань никогда не

Кэролин Хюин

будет сына. Но тогда ей не хватило духу сказать об этом новоиспеченной матери. Повитуха видела такое не раз. Сначала выкидыш, потом выясняется, что мать носила мальчика, следом она рождает дочь — без ведьмы тут не обошлось. Никакой шаман, монах или странствующий священник с Филиппин не в силах снять порчу, насланную на Оань и ее род. Ей остается только готовиться к тому горю, которое несут с собой дочери, потому что после смерти она рискует не вернуться домой.

Для вьетнамки дочери не проклятье. Проклятьем они становятся из-за того, как с ними обращаются.